

УДК 81'373

БИБЛИОТЕКА ЭМОТИВНЫХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ СЛОВА

А.А. Штеба

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград

Цель данного исследования заключается в систематизации эмотивных валентностей слова. В зависимости от характера (явный/скрытый) эмосем, лежащих в основе реализации эмотивной валентности слова, выделяются три типа эмотивных валентностей слова: актуализация и экспликация, эмотивный компонент семантики которых определяется вне контекста, а также инвенция как сочетание слов на основе скрытых эмосем.

Ключевые слова: *сема; эмосема (явная/скрытая); эмотивная валентность, актуализация; экспликация; инвенция.*

Анализ исследований, посвященных, в большей или меньшей степени, вопросу эмотивных валентностей (далее – ЭВ) единиц языка и речи [4; 5; 10; 18 и др.], позволяет выделить узкий и широкий подходы к данному частному предмету эмотивной лингвистики.

Согласно первому, открытие ЭВ у слова синонимично созданию окказиональных, как правило, ненормативных индивидуально-авторских словосочетаний, «ломающих инерцию шаблонных выражений», тем самым, усиливая воздействие на читателя [4, с. 141]. В рамках концепции В.П. Руднева о шизореальности действительности, обусловленной арбитранностью знаков языка, «слова произвольно могут сочетаться со всеми другими словами, потому что все слова условны. Поэтому возможны такие сочетания, как *сухая река* и *черный лед у Мандельштама*» [2, с. 122]. Интересно, что характерной особенностью символизма является преобладание *emotio* над *ratio*, благодаря чему происходит «синкретическое слияние чувств» (*зеленый звон, голубая тишина* и т.п.), обуславливающих последующую вербализацию «душевных состояний» [11]. Контекст реализует потенциальную или скрытую эмотивность таких слов, где они становятся индивидуально-авторскими коннотативами.

Основанием к образованию адъективного словосочетания *голубая тишина* служит наличие в семантике конкретизируемой прилагательным единице потенциальных сем 'эмоция' и 'оценка' [16, с. 76].

Последние становятся актуальными и позволяют автору создание этой конструкции, выполняющей эмотивную функцию, т.е. служащую средством выражения эмоционального переживания. Что касается собственно эмотивности словосочетания *голубая тишина*, то она, как отмечалось ранее, ситуативно обусловлена. Поскольку здесь нет связи с ситуацией употребления, можно предположить лишь оценку и широкий кластер эмоций, способных, в результате, получить экспликацию. В первую очередь необходимо обратить внимание на низкую «температуру» эмоционального переживания (о температуре чувств см.: [17, с. 71; 8, с. 93]), поскольку голубой цвет является холодным, ассоциируется с водой, льдом. Конкретизируемое слово *тишина* входит в одно лексико-семантическое поле с такими лексемами, как *умиротворенность*, *спокойствие*, *невозмутимость* и т.п. Таким образом, данное словосочетание является положительно оценочным, не служит выражению интенсивных эмоций, например, ярости, гнева, и принадлежит к кластеру эмоций с центром 'миролюбивость'.

В рамках рассмотренного выше примера происходит сочетание слов на основе скрытых эмосем, образующее внесистемную, в плане эмотивности их семантики, конструкцию. При этом ЭВ действительно служат расширению семантического согласования слов [18, с. 97], что показано на примере ЭВ слова *тишина*. Согласно определению В.И. Шаховского, ЭВ суть «способность лексической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе явных или скрытых эмосем» [цит. раб., с. 98] в статусе ингерентных или адгерентных. Следовательно, определяется широкое понимание ЭВ как варианта лексико-семантических, принадлежащих речи и/или языку, т.е. являющихся как внесистемными (или от-системными), так и непосредственно системными образованиями. Поэтому вполне правомерно рассматривать ЭВ на материале устойчивых и свободных словосочетаний, поскольку ЭВ могут реализовываться посредством открытия и лексических, и семантических валентностей: как фразеологизм *chamade du cœur* (досл.: *сигнал о капитуляции сердца*), так и свободное словосочетание *démon du cœur* (досл.: *демон сердца*) выполняют эмотивную функцию.

Эмотивность есть компонент семантики слова. Поэтому для определения общих эмосем, лежащих в основе реализации ЭВ слова, т.е. сочетания слов, внимание фокусируется на семантике вступающих в связь лексических единиц. Если форма их сочетания конвенциональна, эмоционально-смысловая составляющая может быть определена вне ситуации употребления устойчивой конструкции. Если же эта форма непривычна, окказиональна, в семантике сочетающихся слов активируются потенциальные семы 'эмоция' и 'оценка'. При этом скрытые эмосемы, здесь, не только расширяют, но и обуславливают возможность создания, в принципе, любого словосочетания, поскольку основное пра-

вило семантического согласования – наличие в семантике общих сем, а эмосема суть также разновидность семы. Эмосемы выступают мотивационной базой для нелогичных, абсурдных словосочетаний (*ноги обоев, потолок ведра* и пр.)

При опоре на широкое понимание ЭВ слова возникает необходимость в их систематизации. С этой целью обратимся к понятию «библиотека», за которым в толковых словарях закреплено два основных значения: 1) 'инвентаризация чего-либо, основанная на извлечении некоторого принципа'; 2) 'собственно хранение' [15]. Применение данного понятия не только выражает стремление дифференцировать тип ЭВ слова, но и позволяет выделить реестр моделей, по которым создаются эмотивные словосочетания. Основанием для создания библиотеки ЭВ, или рубрикатором, выступает характер эмосем (явный или скрытый), сопровождающий реализацию ЭВ слова, или условная степень свободы / зависимости эмотивной семантики словосочетания, в частности, с компонентом *cœur*, от контекста. Предлагается выделять актуализацию, экспликацию и инвенцию ЭВ слова как видовых определений к родовому сочетанию, лежащему в основе проблематики валентностей в целом.

Прежде чем перейти к рассмотрению указанных моделей ЭВ слова, проанализируем несколько конструкций с компонентом *cœur*, что может упростить дальнейшее представление критериев типологии: *chamade du cœur* (досл.: сигнал о капитуляции сердца – любовь) – *charge du cœur* (досл.: мари сердца – решительность) – *badaboum, badaboum du cœur* (досл.: бадабум, бадабум сердца – влюбленность). Каждое из приведённых словосочетаний основано на интегральной семе 'биение', однако, первый случай (*chamade du cœur*) является системным, поскольку представляет собой устойчивое словосочетание с фиксированным эмотивным компонентом. Последнее определяется как актуализация ЭВ. В случае со вторым примером (*charge du cœur*) определяющую роль для понимания смысла конструкции играет лексема *charge* в значении 'марш'. Указывается на соматическое состояние решительного, смелого человека, когда системное значение конкретизируется путем от-системной экспликации. Понимание же последнего примера (*badaboum du cœur*) невозможно вне контекста, в котором употреблена данная единица, поскольку сочетание слов основано на скрытых эмосемах: «*badaboum, badaboum, badaboum... lorsque son rythme s'accélère de façon anormale en présence de l'Autre*» (бадабум, бадабум, бадабум... когда его (сердца) ритм ненормально увеличивается в присутствии другой (-ого)) [21]. В таком случае инвенция (от лат. *invenire* – 'открывать') представляет собой «нестандартный ассоциативный контекст слова» [3, с. 39]. Это «эстетически, этически, прагматически приемлемые аномально-нормальные выражения», «речевые девиации» [12].

При этом такого рода отклонения понимаются не как нарушение языковой системы, её разрушение, но, напротив, как её развитие и обогащение. Инвенция суть актуализация системного значения посредством личностно и ситуативно актуального оформления.

Отнесение трёх типов ЭВ к группам «системное», «от-системное» и «внесистемное» условно, поскольку, благодаря их функции (эмотивной), любые ненормативные словосочетания с компонентом *sœur* всегда основаны на или подкрепляются общими семами 'эмоция' и 'оценка', потенциально или актуально всегда представленными в семантике зависимой единицы, и всегда актуально – в семантике слова *sœur* (семема 'вместилище чувств, эмоций, характера').

Проблема подобного творящего подхода к рассматриваемой типологии отражена во многих исследованиях. А.В. Пузырев, который, вслед за А.А. Гагаевым, одним из первых выступил за применение субстратного подхода к любому лингвистическому исследованию, использовал данную методику на примере изучения анаграмм [9, с. 11]. По мнению исследователя, необходимо различать: 1) исходный предмет (семантика слова *sœur*, а также устойчивые словосочетания с ним как компонентом); 2) развитие предмета в собственном смысле слова (актуализация семантических признаков слова *sœur* в речи); 3) то, во что он превращается (экспликация как реализация ЭВ слова *sœur* на основе устойчивого словосочетания (к примеру, *océan du cœur* (океан сердца) как аналог фразеологизма *abîme du cœur* (пропасть сердца) – общая семема 'вместилище'); 4) будущий предмет, роль которого выполняет инвенция ЭВ слова. В концепции Ю.М. Скребнева выделены три класса лексических единиц: нейтральные или неспецифичные (non-specific units), относительно специфичные (relatively specific units) и абсолютно специфичные (absolutely specific units) [14, с. 12–13], а Дж. Катцем для описания семантического компонента значения предложены три основных понятия: словарь, проекционные правила (актуализация словаря), семантическая интерпретация (экспликация от-системных словосочетаний) [7, с. 34]. У М.Н. Эпштейна находим следующие три компонента семиургии (по аналогии с металлургией, драматургией), понимаемой как создание знаков: комбинация, дескрипция и формация (There are three types of sign activity: combinative, descriptive and formative [20, с. 24]), или знаковосочетательная, знакоописательная и знаковосозидательная деятельность [13]. Соответственно данные типы знаков соотносятся с выделяемыми актуализацией, экспликацией и инвенцией ЭВ слова. При этом формация является наиболее редким из представленных, поскольку им вводится новый знак в язык [20].

В рамках описания актуализации, экспликации и инвенции ЭВ слова следует обратить внимание на оппозицию «рутинное vs креативное мышление». По мнению В.И. Карасика, общение суть фасеточное

образование, что указывает на отражение в процессе коммуникации разных аспектов явления. В креативном общении осуществляется поиск наиболее приемлемых, адекватных, с позиции говорящего, единиц, объективирующих желаемые тонкие смысловые оттенки [6, с. 7–18]. К такой группе креативных образований можно отнести аффективные ЭВ с компонентом *cœur* (к примеру, *pif-pof*, *badaboum*, *plic-ploc du cœur*), поскольку они характеризуются низкой предсказуемостью, т.е. зависимостью от контекста, высокой точностью (с позиции говорящего подобные словосочетания отражают актуальное эмоциональное состояние в определенном момент времени).

Случаи экспликации, по сути, образуемые по нормативной логико-семантической модели, также требуют серьезной мыслительной деятельности в процессе декодирования их эмоционально-смысловой составляющей, поскольку они не извлекаются из памяти в готовом виде, а создаются лишь на основе заданной формы. Эту форму обуславливает лексическое значение слова *cœur*, из которого «вытекают его семантические валентности» [1, с. 120]. Несмотря на то, что при декодировании подобных словосочетаний контекст, в большинстве случаев, выполняет лишь подтверждающую функцию, в них содержатся яркие живые образы, эмоциональная энергетика и поэтика которых привлекает адресата и воздействует на него. В следующих примерах таинственность сердца выражается через сравнение с секретером, а его независимость от разума – с тюрьмой:

...les petits meubles à secret du cœur (Les coeurs des femmes sont comme ces petits meubles à secret, pleins de tiroirs emboîtés les uns dans les autres (G. Flaubert). – Сердце женщин похоже на секретеры, полные ящичков, вставленных один в другой; les prisons du cœur (Le coeur a ses prisons que l'intelligence n'ouvre pas (M. Jouhandeau). – У сердца есть свои тюрьмы, которые разум не способен открыть).

Интересно, что словосочетание, образованное на основе логико-предметных сем, например, *cœur battant* (*бьющееся сердце*), будет являться также инвенцией ЭВ слова *cœur*, поскольку данная нейтральная конструкция может становиться только ситуативным эмотивом. Соответственно фокус внимания направляется к эмосемам, а не собственно семам сочетающихся слов, т.е. к эмотивной функции словосочетания. Можно говорить об инновационных семах и эмосемах «не сочетающихся» слов, которые определяются в ситуации употребления (*колени поддушки*). В аспекте ЭВ слова *cœur battant* (*бьющееся сердце*), логико-предметная сема 'биение' не будет инновационной, а эмосема – напротив, станет таковой, если говорящий прибегнет к использованию этого словосочетания в эмотивной функции.

В некоторых случаях полное отвлечение от контекста употребления словосочетания с устойчивой эмотивностью может привести к не-

пониманию замысла автора художественного произведения. Фразеологизм *avoir le cœur brisé* (досл.: *иметь разбитое сердце*) служит выражению эмоций отчаяния, разочарованности, предательства. Однако Фр. Бегбедер специально употребляет это словосочетание в контексте, противоречащим его нормативной эмотивности:

L'ainé accepta d'épouser une aristocrate qu'il n'avait pas vraiment choisie. Malheureusement, elle le trompa assez tôt avec un maître nageur: le jeune homme eut le cœur brisé d'avoir été si mal récompensé pour sa docilité. Il demanda le divorce; en représailles, sa mère le déshérita [19, с. 11]. – Старший сын женился по настоянию родителей на аристократке. К несчастью, она ему достаточно быстро изменила с тренером по плаванию: у молодого человека было разбито сердце от такой расплаты за его покорность. Он потребовал развода, а мать, в отместку, лишила его наследства.

Герой романа употребляет данный фразеологизм как семиотическое образование, интерпретация которого должна быть однозначной. Однако ироничная эмоционально-смысловая тональность этого текстового фрагмента «разоблачает» истинную причину эмоционального переживания персонажа. Последнее вызвано не неразделенностью чувств, а осознанием невозможности более реализовать свои корыстные намерения. Эмосемы, лежащие в основе данного словосочетания ('отчаяние', 'разочарованность') остаются неизменными, но трансформируются условия переживания таких эмоций. Соответственно изменен оценочный вектор, ср.:

- *у него разбитое сердце, так как он страдает от неразделенности чувств* – оценка '+' (эмпатия);
- *у него разбитое сердце, так как он потерял возможность жить за счет состоятельной супруги* – оценка '-' (осуждение).

Из сказанного следует, что сочетание эмосем слов, происходящее в результате реализации ЭВ, является двухуровневым: первый уровень – внешний (сочетание слов на основе явных или скрытых эмосем), а второй – внутренний, скрытый. На последнем происходит дополнительное сочетание скрытых эмосем соединяемых слов. Зачастую, данный внутренний уровень остается неактуальным и только сопровождает семантику ЭВ. Но в некоторых случаях, как это показано выше с эмоционально-оценочным переосмыслением фразеологизма *avoir le cœur brisé*, именно скрытый уровень задает эмоционально-смысловую составляющую.

В то же время не всегда инвенция ЭВ слова *cœur* полностью зависима от контекста. Использование такого словосочетания, как *control freak du cœur* (*контролирующий урод, контроль-урод сердца*), вне контекста не вызовет серьезных трудностей понимания. «Функцией сердца» является аккумуляция и распределение эмоций в жизни

человека. Французской языковой личности особенно свойственна эмоциональность (см. сб.: «Русское и французское коммуникативное поведение», Воронеж, 2002, вып. 1), а слово *cœur* выступает ключевым словом данной лингвокультуры. Соответственно, чрезмерный контроль за эмоциями, т.е., по сути, создание препятствий для нормальной эталонной деятельности сердца, оценивается строго отрицательно. Сказанное подтверждает контекст:

Dès le plus jeune âge nous avons dû maîtriser nos sentiments, devenir « control freak » de nos cœurs... je ne suis qu'un flot d'émotions incapable de déborder. – С детства мы должны учиться контролировать свои чувства, становиться управляющими уродами наших сердец... я лишь река эмоций, неспособная выйти из берегов.

Следует отметить, что каждое конкретное словосочетание необходимо рассматривать в контексте его употребления, поскольку даже актуализация ЭВ слова *cœur* как системное образование не является абсолютно независимым в плане эмотивности. Напротив, словосочетание с компонентом *cœur* может иметь непривычную форму выражения, но его семантика и эмотивность понятны вне контекста.

В рамках рассмотрения ЭВ слова мы придерживаемся широкого подхода к данной проблеме, когда учитываются как устойчивые, так и свободные словосочетания, выполняющие эмотивную функцию. Критерием создания библиотеки ЭВ слова *cœur* является характер эмосем (явные / скрытые) сочетающихся слов, или контекстуальная зависимость эмотивности словосочетания. Устойчивые словосочетания с компонентом *cœur* являют собой случаи актуализации ЭВ слова. Экспликация ЭВ подразумевает развитие, «кристаллизацию», по В.И. Карасику, этих значений в речи. Это свободные словосочетания, образуемые по аналогии с устойчивыми. Данные два типа ЭВ слова представляют собой образования на основе явных эмосем. Инвенция ЭВ есть создание авторских окказиональных словосочетаний, когда минимальной дистрибуции (слово *cœur* + актанта) обычно недостаточно для понимания смысла целой конструкции при первом употреблении. Необходимо выделить особую роль коммуникативной ситуации употребления словосочетания, когда семантика и эмотивность свободного, зачастую ненормативного словосочетания (инвенция) становится понятной вне контекста его употребления, а, напротив, устойчивая эмоционально-смысловая составляющая фразеологизма (актуализация) подвергается контекстуальному варьированию.

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика [Текст] / Ю.Д. Апресян. – Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 368 с.

2. Блинов И.И. Синестезия в поэзии русских символистов [Текст] / И.И. Блинов // Проблема комплексности изучения художественного творчества. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1980. – С.119–124.
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество [Текст] / Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 1996. – 214 с.
4. Ершова С.Н. Категория эмотивности в жанре дневник (эмотивность на лексическом уровне в «Грасском дневнике» Г.Н. Кузнецовой) [Текст] / С.Н. Ершова // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. – В 2-х т. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – Т. 1. – С. 139–142.
5. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ионова С.В. – Волгоград, 1998. – 197 с.
6. Карасик, В.И. Языковая кристаллизация смысла [Текст] / В.И. Карасик. – Волгоград: Парадигма, 2010. – 422 с.
7. Катц Дж. Семантическая теория [Текст] / Дж. Катц // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М.: «Прогресс», 1981. – С. 33–49.
8. Крейдлин Г.Е. Тело, эмоции, температура [Текст] / Г.Е. Крейдлин // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты : сб. науч. тр. к юбилею В.И. Шаховского / отв. ред. С.В. Ионова. – Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2009. – С. 85–96.
9. Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка. Опыт системного осмысления [Текст] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / А.В. Пузырев. – Саратов, 1995. – 38 с.
10. Роговская Е.Е. Эмоциональная доминанта как структурообразующий компонент текста перевода [Текст] : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Роговская Е.Е. – Барнаул, 2004. – 165 с.
11. Руднев В.П. Введение в шизореальность [Текст] / В.П. Руднев. – М.: Аграф, 2011. – 224 с.
12. Светличная Т.Ю. Категория контекста и реализация прагматического потенциала слов-цветообозначений в контексте [Электронный ресурс] / Т.Ю. Светличная. – Режим доступа: http://pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2009/XII/uch_2009_XII_00025.pdf. – Дата обращения: 12.07.2011. – Загл. с экрана.
13. Семиургия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_semiurgy.html. – Дата обращения: 12.07.2011. – Загл. с экрана.
14. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка : учеб. для институтов и фак. иностр. яз. [Текст] / Ю.М. Скребнев – М.: Высшая школа, 1994. – 240 с.
15. Современный толковый словарь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?l=ru&base=modern_encycl&page=showid&id=7461.

16. Сорокин Ю.А. Лингвокультурная среда: контакты и конфликты : монография [Текст] / Ю.А. Сорокин. – М.: Ин-т яз-ия РАН; Тверь: АГРОСФЕРА ТГСХА, 2009. – 118 с.
17. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. – 172 с.
18. Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – 1984. – № 6. – С. 97–103.
19. Beigbeder, Fr. Roman francais [Text] / Fr. Beigbeder. – Ed. Grasset. – 281 p.
20. Epstein, Mikhail N. Semiurgy: From Language Analysis to Language Synthesis [Text] / M.N. Epshtein // Russian Journal of Communication. – 2008. – Vol. 1. – № 1, – Pp. 24–41.
21. Symbole de la saint-valentin. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mythes-et-legendes.suite101.fr/article.cfm/les_symboles_de_la_saintvalentin. – Дата обращения: 12.07.2011. – Загл. с экрана.

LIBRARY OF EMOTIVE VALENCES OF A WORD

A.A. Shteba

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd

The aim of this study is to show an approach to a typology of the emotive valences of a word. Conforming to a criterion – a type of emosemes (obvious\hidden) which are at the base of the emotive valences of a word, three types of emotive valences are described: actualisation and explication (based on obvious emosemes) and invention (based on hidden emosemes).

Keywords: *seme; emoseme (obvious/hidden); emotive valence; actualisation; explication; invention.*

Об авторе:

ШТЕБА Алексей Андреевич – аспирант кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета,
e-mail: alexchteba@yandex.ru.